

*Состязания колесниц на ипподроме.
Консульский диптих Лампадия, V в.*

ЛЕКЦИЯ 19

А. Н. Домановский

«НИКА!»: БОРЬБА РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ПАРТИЙ ИППОДРОМА И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 532 г.¹

Блится золото, волнуется толпа,
И василевс простерся со свечою...
Стих гул, дрожит от мощи хора Ипподром.
Небрежный взмах руки
И маппа падает.
Взлетают кони в первом круге,
Мелькает бешено квадриги колесо
И гладко бритый череп гениоха.
Удар, еще удар, стремительный полет,
И димов общий вздох.
Тому уж не одеть венка,
Иной летит к концу.
А меры все ликуют,
И славословий льется ряд
За нового героя,
За Бога и за доброго царя.
О Византия, гордость ты моя!

Сергей Сорочан. Ипподром

И на ипподроме то и дело
Закипают яростные драки...

Георгий Шенгели. Повар бази-
левса (*Византийская повесть*)

7 декабря 2004 г., в самый разгар украинской «Оранжевой революции», в газете «День» – одном из авторитетных периодических изданий страны, традиционно уделяющем внимание не только публикациям на злобу дня, но и глубокомысленным публицистическим историософским

¹ Публикуемый текст является существенно сокращенным и переработанным вариантом раздела популярной книги о Византии, публикация которой запланирована в рамках серии «Загадки истории» харьковского издательства «Фолио».

размышлениям – появилась появилась статья «Византийский орел – символ “бархатных” революций». В то время как многочисленные интеллектуалы связывали истоки тогдашнего украинского протестного движения с зарождавшимся гражданским обществом и становлением политической нации, ее автор, Александр Литвиненко, попытался увидеть истоки происходящего в византийском цивилизационном наследии, «народном стремлении к Справедливости», присущем византийскому и поствизантийским обществам. По его словам, «именно за Правду, за возобновление поруганной справедливости выступили люди в Белграде, Софии, Тбилиси и Киеве. И уже неважно, действительно ли состоялось это поправление, или же представление о нем было сформировано при помощи современных коммуникативных технологий... ограниченное буржуазно-демократическое движение за гражданские права сдетонировало с архетипами массового сознания – и началось...».

На первый взгляд, такое утверждение может показаться весьма странным. Действительно, у немалого числа наших современников прочно укоренилось представление о Византийской империи как о стране победившего благочестия, население которой жило в труде и смирении от одной церковной службы до другой и от одного великого церковного праздника к другому. Византия считается чуть ли не разросшимся до вселенских масштабов монастырем, в котором помыслы обитателей были направлены исключительно к Богу, а деяния были поразительно праведными. Общество существовало в смирении и послушании государям, а императоры мудро и справедливо правили государством. Откуда в таком случае взяться протестным движениям и гражданской борьбе за поправную справедливость?

Однако описанное идеализированное представление, как это нередко бывает с историческими мифами, крайне далеко от реальности, по крайней мере, по отношению к первым столетиям истории Византийской империи. В это время отнюдь не церковь была главным центром притяжения общественного внимания и совсем не к Богу были в первую очередь обращены мысли ромеев. Поведение византийских горожан V–VI вв. отличалось крайне далекой от размеренного благочестия бурной активностью, нередко выливавшейся в жесткое противостояние властям. Ранневизантийское общество было активным и бурным, и елейной тишине церкви предпочитало ревущий шум толпы площадей.

Panem et circenses! Хлеба и зрелищ! Этот лозунг римского плебса по праву принадлежал и византийскому миру, в котором массовые публичные зрелища были неразрывно связаны с общественной, политической жизнью. Развлечения играли в жизни человека позднеантичного и раннесредневе-

кового ромейского мира иную роль, нежели в жизни наших современников. Для нас развлечения – часть неосновной, побочной жизнедеятельности, направленной на получение удовольствия, отдых, расслабление. В Византии же массовые общественные мероприятия и зрелища были одной из основных составляющих жизни как отдельно взятого человека, так и общества в целом.

Закон 409 г. гласил: «Никто из правителей не имеет права переводить из города в город и из провинции в провинцию коней, артистов и диких зверей. Каждый город должен иметь свое удовольствие! Нарушивший это постановление отвечает как за святотатство». Организация массовых, бесплатных, доступных любому горожанину мероприятий позволяла создать впечатление приобщенности всех слоев свободного населения к общей городской культурной среде. На какое-то время император с высочайшими сановниками и богачами, с одной стороны, и наиболее беднейшие, не восседавшие во время зрелищ на подушках слои населения, с другой, становились иллюзорно равными между собой.

В ранней Византии в прошлое уходили театры и амфитеатры, и небольшие драматические постановки все чаще лишь заполняли антракты между цирковыми номерами. Иной была судьба цирков, которые в восточных, преимущественно грекоязычных провинциях Римской империи называли ипподромами, поскольку главным видом зрелищ в них стали конные ристания. Показательно, что именно ипподром греки того времени нередко называли театром.

Власть неустанно заботилась о строительстве, ремонте и благоустройстве этих спортивно-развлекательных сооружений, и во многих крупнейших мегаполисах, таких, как Константинополь, Фессалоника и Антиохия, они далеко не случайно располагались в непосредственной близости от дворца. Так, константинопольский ипподром вплотную примыкал к Большому Императорскому дворцу и находился на одной площади Августеон (в честь матери Константина Великого Августы Елены) со зданием сената и храмом Святой Софии.

Строительство этого ипподрома относится еще к 203 г. н. э., ко времени правления римского императора Септимия Севера (193–211 гг.). Ипподром был сооружен по образцу римского Большого Цирка – *Circus Maximus*, хотя и уступал последнему по размерам. Позже Константин I Великий (306–337 гг.), основав на месте древнего Византия новый императорский город, основательно перестроил обветшавшее к тому времени строение, включив его в комплекс сооружений Большого Императорского дворца. Именно здесь 11 мая 330 г. император провел торжества в честь рождения нового стольного града – Нового Рима, города, названного в честь своего

основателя Константинополем. С тех пор ежегодно 11 мая на ипподроме организовывались наиболее пышные представления и состязания в честь празднования дня рождения Города. Почти тысячелетие, вплоть до XII в. включительно, ни одно государственное торжество в Константинополе не обходилось без организации зрелищ и игр на арене столичного цирка. Путешественник Вениамин из Туделы, посетивший Константинополь в декабре 1171 г., в своих путевых записках отмечал: «Там возле стены дворца есть место развлечения царя, называемое ипподром. Ежегодно в день рождения Иисуса царь устраивает там великие зрелища. В присутствии царя и царицы даются представления (при помощи волшебства и без него), выводятся всевозможные люди. Выводят львов, леопардов, медведей и диких ослов одних на других и обычно также птиц, и ни в одной земле нельзя видеть подобного увеселения». Вследствие этого объяснимо то внимание, которое уделяли столичные власти благоустройству, обновлению и расширению здания ипподрома, перестраивавшегося и украшавшегося и во времена Феодосия I, и в правление прославленного Юстиниана Великого, и в X в. при Константине VII Багрянородном.

Константинопольский ипподром представлял собой гигантское двухэтажное сооружение с ареной в центре и зрительскими трибунами по периметру. Оно было настолько громадным, что в в современном Стамбуле на его месте расположены целых две площади – площадь Султанмахмет Майданы и площадь Ат Майданы (At Meydanı), название которой так и переводится – «Площадь лошадей». В длину здание ипподрома достигало более 450 м, в ширину – 117,5 м и по форме напоминало эллипс современного футбольного стадиона, с тем важным отличием, что его северная сторона была не полукруглой, а заканчивалась прямой высокой стеной. Вследствие этого ипподром походил при взгляде сверху на подкову с южным полукругом задка и двумя выпрямленными параллельно друг другу ветвями, тянущимися по направлению к замыкающей пространство арены стене на севере. Толщу этой стены пронизывали двенадцать ворот, восемь из которых предназначались для входа зрителей, а еще четыре, называвшиеся Карцерами, были стартовыми позициями участвовавших в состязаниях колесниц. Они вели в специальные стойла, выход из которых на арену ипподрома был забран железной решеткой. По специальному сигналу решетки четырех ворот-карцеров одновременно распахивались посредством специального механизма и колесницы начинали забег.

В центре стены ипподрома с карцерами возвышалась башня, украшенная великолепной бронзовой четверкой лошадей авторства выдающегося древнегреческого скульптора Лисиппа. Ныне эта квадрига украшает фронтон собора Св. Марка в Венеции, куда ее вывезли венецианцы после

разграбления Константинополя западноевропейскими рыцарями во время Четвертого Крестового похода в 1204 г.

На противоположном от карцеров южном торце арены находилась сфендона – изогнутый полукругом, схожий с петлей пращи поворот, который должны были проходить двигавшиеся против часовой стрелки колесницы, переходя с западной беговой дорожки на восточную, возвращавшую их к месту старта у карцеров. Это было самое опасное место, минуя которое возникшие должны были круто повернуть свои упряжки влево, что нередко приводило к столкновениям и крушениям. Сфендона возвышалась на циклопических размеров фундаменте, с помощью которого строители вынуждены были компенсировать резкое понижение местного рельефа по направлению к морю для того, чтобы сохранить уровень беговых дорожек идеально ровным. Внутри этой опорной полукруглой формы конструкции, толщина стен которой достигала трех метров, располагались 25 сводчатых помещений с овальными потолками. Изначально они были предназначены для содержания диких зверей, травлю которых организовывали на ипподроме. Со временем, когда эти кровавые зрелища были запрещены, внутренние камеры сфендоны были превращены в цистерны.

Над опорной стеной возвышались 50 десятиметровых колонн и были обустроены два сегмента сидений для зрителей. Наблюдать за ходом скачек с расположенных на сфендоне мест было не очень удобно, сродни тому, как смотреть футбольный матч, находясь непосредственно за воротами одной из соперничающих команд. Однако именно здесь, на крутом повороте, чаще всего происходили самые острые, захватывающие и драматические события – удачный обгон, столкновения и крушения колесниц, гибель лошадей и возниц, именно из этой искривленной оправы, словно камень из пращи, вылетали колесницы на финишную прямую вдоль восточной линии трибун.

Впрочем, гораздо лучшим был обзор с трибун двух параллельных ветвей подковы ипподрома, тянувшихся с востока и запада от сфендоны к карцерам. Именно здесь располагались основные зрительские места. Ипподром одновременно мог вместить на своих трибунах от 30 до 60 и даже 80 тысяч зрителей. Некоторые исследователи полагают, что во время наибольшего расширения зрительских мест и в случае особой значимости соревнований здесь могла разместиться и стотысячная толпа.

Зрительские трибуны размещались на 30–40 повышающихся каменных ярусах. Изначально скамьи на них были деревянными, однако к X в. их заменили каменными. Места для сидения были достаточно комфортными, каждое из них составляло около 70 см в ширину и 38 см в высоту. Над трибунами возвышалась колоннада, позволявшая с помощью штанг натя-

нуть алый тент-козырек, защищавший зрителей от дождя или зноя слепящих солнечных лучей. В проходах между секторами размещались туалеты и специальные лотки, с которых продавали еду и питье, а под трибунами располагались разнообразные служебные помещения.

Восточную ветвь подковы ипподрома украшала кафисма – особая императорская ложа, расположенная, вероятно, немного южнее центра зрительских трибун. Она сообщалась с Большим Императорским дворцом крытой, похожей по форме на улитку винтовой лестницей – кохлией. Благодаря ей императору не нужно было покидать дворец для того, чтобы попасть на ипподром. Вход из кафисмы во дворец была защищен массивными бронзовыми дверями, на тот случай, если сама императорская ложа будет захвачена мятежниками. Таким образом, император одновременно и являлся народу, и пребывал отдельно от него, оставаясь недосягаемым в пределах собственного дворца.

Слева и справа от кафисмы находились места привилегированных зрителей – высоких сановников и чиновников помельче, зажиточных горожан и членов спортивных объединений болельщиков. Располагавшаяся напротив западная трибуна предназначалась для константинопольского плебса. Именно на ней кипели наиболее яркие страсти, которые ярко описал прославленный византийский богослов Григорий Назианзин: «Конелюбы подпрыгиваю, кричат, подбрасывают в воздух пригоршни пыли, колотят воздух, пальцами, словно бичами, погоняют коней». Зной, пыль, теснота или шум не были помехой азартным зрителям – «ничто не портило им настроения, они были веселы, как на лугу».

Арена ипподрома изначально строилась для конных состязаний. Ее внутренняя ширина составляла 79,5 м. Западную и восточную беговые дорожки разделял специальный невысокий барьер – так называемая спина (от латинского *spina* – «шип, колючка, заноза»), щедро, в два ряда украшенная колоннами, обелисками, статуями героев, императоров и знаменитых возникших. Ширина спины составляла около 10 м. Ряды трибун и спина не были абсолютно параллельны друг другу, и, по всей видимости, это было не ошибкой строителей, а частью общего замысла сооружения с целью обострения интриги, борьбы и зрелищности состязаний. Там, где беговые треки сужались, возникшие вынуждены были вступать в особенно острую борьбу за пространство дорожки, демонстрировать высшее мастерство, оттесняя колесницы соперников и даже выталкивая их к спине или к трибунам, где они могли, потеряв управление, терпеть крушение или сталкиваться между собой.

Конные ристания проводились на константинопольском ипподроме не менее десяти раз в году – 11 мая в официальный день основания столич-

ного царственного Города, в честь дня рождения и дня восшествия на престол правящего императора, в январские календы, по случаю победы над врагами и военных триумфов или приема иностранных посольств. Точное число игр в году неизвестно, но очевидно, что их было достаточно много, и болельщики нетерпеливо ожидали новых скачек уже на следующий день после того, как заканчивались последние ристания.

Скачки были весьма затратным мероприятием, финансировать которое было по карману лишь василевсу и богачам из местной знати. В провинциальных городах расходы по организации цирковых зрелищ несли куриалы и местные богачи, в Константинополе организация игр на личные средства была важной обязанностью именитых и нередко баснословно богатых представителей столичной знати, преторов и консулов. Впрочем, в столице, в связи с масштабностью мероприятий, даже они неспособны были полностью оплатить состязания. Историк Зосим отмечал, что император Константин Великий требовал от избранных в преторы организации столь дорогостоящих зрелищ, что кандидаты на должность спасались от назначения бегством. Впрочем, даже это не помогало, ведь, согласно закону, если сенатор пытался избежать расходов на игры за его счет, выезжая из Константинополя, то финансирования осуществлялось из казны с последующей конфискацией имущества беглеца в пользу государства. Субсидировать консульские игры также приходилось императору.

За организацию игр в целом отвечал константинопольский градоначальник – эпарх города, который следил за всем, происходившим в столице – от снабжения горожан продовольствием до безопасности на улицах. В его обязанности входило, в том числе, также и благоустройство улиц и организация различных празднеств, призванных развлечь и задобрить городскую чернь. Пожалуй, главной задачей этого чиновника на ипподроме во время подготовки к скачкам и их проведения была организация должного полицейского надзора с целью пресечения волнений и потасовок между болельщиками, которые могли перерасти в массовые беспорядки, чреватые разрушениями, пожарами, увечьями и смертями. Худшим из того, что могло произойти на ипподроме, мог стать открытый бунт против императора.

К соревнованиям тщательно готовились, подбирали и обучали возниц, тренировали лошадей, отрабатывали тактические приемы борьбы с упряжками соперников, способы прохождения прямых и поворотов. Непосредственная подготовка к скачкам происходила в течение двух дней. В первый из них нужно было получить формальное разрешение императора на проведение игр, второй полностью уходил на саму подготовку – проверку арены и трибун ипподрома, состояния лошадей и упряжи, готовности

возничих-генихов, приветственные встречи болельщиков и, собственно, официальное объявление о предстоящих завтра скачках. Арену посыпали свежим песком, который для душистого аромата смешивали с кедровым порошком. В конце дня представители соперничавших объединений болельщиков отправлялись в конюшни, чтобы проверить состояние лошадей и устроить демонстрацию их красоты и спортивных качеств. С этой целью устраивались торжественные процессии, во время которых богато наряженных лошадей водили по улицам города, хвастая перед соперниками их достоинствами.

О начале состязаний сообщал специальный флаг, который поднимали над кафисмой. Громадная толпа собиралась у ворот ипподрома, устремляясь по специальным проходам на зрительские трибуны. Перед началом гонок публику развлекали своим мастерством танцоры, акробаты, мимы и шуты, дрессировщики диких животных. Болельщики той или иной команды устраивали церемониальные танцы, которые по своим задачам были весьма схожи с зародившимся в 1870-е гг. в США и процветающим по сей день чирлидингом. Танцоры стремились поддержать своего возницу и его упряжку, настроить на нужный лад болельщиков, привлечь их внимание к выступлению именно своего гениоха.

Выступления продолжались также в антрактах между заездами и после окончания скачек. Танцоры и акробаты, комические актеры мимы и шуты, певцы и музыканты, борцы и дрессировщики диких животных, фокусники и иллюзионисты, жонглеры и фигляры высыпали на арену, услаждая взор и слух зрителей своим искусством. О нем нам известно не только из письменных источников, но также по изображениям на медальюнах и консульских диптихах из слоновой кости, богатых мозаиках раннего средневековья.

Тем временем император, совершив утреннюю молитву, следовал через приемный зал в кафисму, с высоты которой благословлял начало состязаний, осеняя троекратным крестным знаменем собравшихся горожан. В начале правитель обращался к зрителям центрального сектора зрительских трибун, затем – левого и, наконец, правого. После этого василевс бросал с высоты кафисмы платок – маппу, что знаменовало начало заезда. Дверцы стойл распахивались и первые четыре упряжки, выбранные согласно жеребьевке, выходили на старт.

В конных состязаниях обычно участвовали квадриги – колесницы, запряженные четверкой лошадей, реже – упряжки из двух лошадей, так называемые биги. Одновременно соревновались два или четыре экипажа. Забег обычно состоял из семи кругов, общая дистанция, проходимая каждой упряжкой, составляла, в итоге, около четырех километров. Отсчет пройден-

ных кругов велся при помощи громадных страусиных яиц, выложенных перед зрителями на специальном возвышении – так называемом оварии. После прохождения колесницами очередного круга одно яйцо убирали. Финишировали, по всей видимости, на западной беговой дорожке, непосредственно перед зрительскими трибунами.

Всего обычно происходило 24 забега – 12 утром и 12 во второй половине дня, после перерыва, во время которого зрители и участники состязаний получали возможность отдохнуть, пообедать и даже посетить находившиеся неподалеку Зевксипповы бани. Иногда забегов было гораздо больше. В источниках упоминается возничий VI в. Константин, одержавший победу в 25-ти заездах за одно лишь утро скачек на ипподроме. После обеденного перерыва он победил еще 21 раз, выступая при этом на побежденных в первой половине дня состязаний лошадях. Такие выступления на проигравших незадолго перед этим конях были призваны продемонстрировать мастерство гениоха и считались особенно почетными. Конечно же, столь значительное количество заездов было редкостью, и, по всей видимости, было связано со стремлением продемонстрировать мастерство прославленного возничего Константина, было его сольным выступлением. Со временем, впрочем, количество заездов стало уменьшаться, и к X–XII вв. их число уже обычно не превышало восьми: четыре утром и четыре вечером.

Победителя награждали венком, пальмовой ветвью, богатой одеждой и драгоценными украшениями – золотым символом (оригарионом), серебряным шлемом или поясом, а иногда и литрой золота в виде 72 монет из царской казны. Это был весьма богатый приз, ведь он соответствовал годовому доходу зажиточной крестьянской семьи. Вручал приз сам император или же ответственный за проведение скачек эпарх города.

Наиболее удачливые, талантливые возничие удастаивались и более высокой чести – личных статуй на ипподроме. Гениоху Порфирию Александрийскому, выступавшему на рубеже V–VI вв., воздвигли семь памятников, один из которых был позолочен. Постаменты двух из них сохранились по сей день в Археологическом музее в Стамбуле. Одна из нескольких сохранившихся на них эпитаграмм гласит: «Для других поводом для возведения статуй в их честь является возраст, но тем, кого оценивают по их победам, нужны не седые волосы, а доблесть, за которой следует слава; доблесть, благодаря коей Порфирий дважды выиграл великолепный приз, гордясь не десятками лет, но сотнями побед, которые, при всем своем множестве, все родственны Харитам».

Приведенная эпитаграмма отражает реальный исторический факт – дело в том, что до Порфирия воздвигать статуи разрешалось лишь тем воз-

ницам, которые уже отошли от дел или даже ушли в мир иной. Император Анастасий Дикор (491–518 гг.) отменил этот запрет именно в связи с особым талантом и общественным восприятием знаменитого гениоха. Дело в том, что Порфирий не единожды переходил от одной факции болельщиков к другой, что также зафиксировано в эпиграммах и прозаических надписях на сохранившихся постаментах: «Партия зеленых: нам нет дела, нравится это кому-то или нет! Отдай нам Порфирия! Пусть те подвиги, которые он свершил для услады синих, он свершит и для услады зеленых, или же пусть он сам выберет себе цвет!».

Все говорит об особом положении прославленного возничего, пользовавшегося, благодаря непревзойденному мастерству, неизменным уважением как сторонников, так и соперников: «Безупречными вестниками твоих побед, Порфирий, являются венки от твоих противников. В ходе состязаний ты неизменно побеждал одного за другим всех, кто с тобой состязался в искусстве бегов. Они сделались игрушкой твоего мастерства. Посему ты единственный снискал уникальный приз: по бронзовой статуе от каждой из партий».

Гениохов почитали наравне и даже выше, чем императоров. Младший современный Порфирия Ураний был удостоен памятника из чистого золота, тогда как императору Анастасию был поставлен железный памятник, а Юстиниану – бронзовый. Сюжет же, изображавший скачки на колесницах, был одним из наиболее излюбленных в ранневизантийском декоративно-прикладном искусстве и повсеместно встречался на шелковых тканях, сосудах, рукоятках ножей, светильниках. Некоторые императоры заказывали скульпторам бронзовые изваяния лошадей, победивших в гонках или бюсты любимых возничих. Константин VIII (1025–1028 гг.), к примеру, повелел создать мозаичные портреты тех гениохов, которыми он особенно восхищался. Михаил Пселл писал об этом императоре: «Особенно самозабвенно любил он зрелища и ристания, всерьез занимался ими, менял и по-разному сочетал коней в упряжке, думал о заездах».

Бега интересовали и собирали на трибунах все активное мужское население города. Ипподром поистине был наиболее массовым видом досуга горожан. О популярности скачек свидетельствует интересный эпизод из Жития св. Маркиана Эконома. В нем повествуется о том, как один горожанин не соглашался продать принадлежавший ему участок земли, пондобившийся для строительства храма Св. Софии, несмотря на то, что ему предлагали за это большие деньги. И даже когда власти под предлогом захламленности участка бросили его в темницу, ничто не могло сломить упряма – ни голод, ни сырость, ни клопы и блохи. И лишь когда заключенный узнал о том, что вскоре состоятся давно ожидавшиеся им кон-

ские ристания на ипподроме, а он не сможет побывать на них, то уступил и, освобожденный, радостно устремился на бега колесниц.

Даже священнослужители не могли устоять перед «сатанинским позором ипподрома» и стремились посетить скачки. В относящемся ко второй половине XI в. Житии Лазаря Геласиота описывается, как два монаха приезжают в Константинополь и один из них отправляется посмотреть на скачки: «В тот день, когда на ипподроме проводились бега, младший из иноков, Иоанникий, без ведома старшего отправился туда. По возвращении он на расспросы старца тотчас сознался, где был. Когда тот начал сокрушаться и говорить: “Ты нехорошо поступил, отправившись на это сатанинское зрелище”, – тот, вместо того чтобы принести покаяние и попросить прощения, принялся спорить: “Что сатанинского в том, чтобы посмотреть, как бегают люди и лошади?”». Такая дерзость не могла остаться безнаказанной – Иоанникия постиг удар и он, несмотря на покаяние, скончался.

Предстоящие состязания активно обсуждали, делали прогнозы и ставки, оценивая мастерство каждого из возниц, резвость и обученность лошадей его упряжки. Болельщики знали родословную и имена всех коней, славившихся своими скаковыми качествами. На сохранившемся постаменте одной из статуй знаменитого возничего Порфирия, рядом с изображениями запряженных четверками лошадей, последовательно приводятся их клички: «Аристид, Палестинарх, Пирр, Эвтиник», «Никополем, Радиат, Пирр, Эвтиник», «Алиевс, Анфипат, Кинаг, Пелорий». Очевидно, это не были случайные имена, каждое из них о многом говорило знатокам.

В день скачек дома и площади города пустели, и лишь рев толпы, доносившийся со стороны ипподрома по безлюдным улицам, позволял понять, куда «переселились» практически все горожане на время зрелищ. Известно, что в Антиохии зрители заполняли не только сам ипподром, но и все прилегавшие к нему возвышенности и крыши зданий везде, где это лишь было возможно.

Бушующие на ристаниях страсти подвергались неизменному порицанию со стороны клириков, так же, как и пережитки элементов языческого толкования символики ипподрома. Долгое время в обществе, переживавшем переход от язычества к христианству, бытовали представления о том, что ипподром является уменьшенной моделью вселенной. Арена символизировала при этом землю, 12 ворот в стене карцеров – 12 месяцев или 12 знаков зодиака. Сами же скачки воспринимались как образ кругового движения Вселенной.

Когда бега на ипподроме совпадали с церковными службами, горожане обычно отдавали предпочтение ярким спортивным зрелищам. Церковь безуспешно пыталась бороться с этим, и Иоанн Златоуст сокрушенно сето-

вал по этому поводу: «Опять бега, и опять наше собрание стало меньше». Богослов вынужден был признать, что яркие состязания интересовали паству значительно больше, чем посещение церкви и знание христианского вероучения: «На ипподром идти – они не обращают внимания ни на холод, ни на длинный путь. А в церковь – дождь и грязь становятся неодолимым препятствием... Если спросить о числе пророков или апостолов, никто не сумеет открыть рта, зато о лошадях и возницах каждый готов болтать сколько угодно».

Именно ипподром, а не церковь, был истинным центром притяжения внимания и интересов византийского горожанина в IV–VI вв. Знаменитый антиохийский ритор IV в. Либаний сетовал, что для многих, увлеченных скачками, «весь интерес в жизни – победит тот или иной возница». Ему вторил талантливый историк эпохи Юстиниана Великого Прокопий Кесарийский, с осуждением отмечая в историческом сочинении «Война с персами»: «В сравнении с победой над соперниками для них не важны ни божьи, ни человеческие дела. ...И даже женщины принимают участие в этой скверне, не только следуя за своими мужьями, но, случается, и выступая против них... Поэтому я не могу назвать это иначе, как душевной болезнью». Иоанна Златоуст отмечал: «Люди, вредные для общества, появляются из числа тех, которые посещают зрелища. От них происходят возмущения и мятежи. Они больше всех возмущают народ и производят мятежи в городах, потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя».

Не удивительно, что столь страстное увлечение привело к появлению специальных объединений болельщиков, которые можно сравнить с современными организациями футбольных фанатов и одновременно футбольными клубами, поскольку они были также специальными организациями по содержанию команд возниц, лошадей, колесниц, зверинцев, танцоров и актеров из команды поддержки. Назывались они димами или факциями, и первые упоминания о них относятся к первой половине V в., ко времени правления Феодосия II Младшего (408–450 гг.). Зарождение таких объединений можно, по всей видимости, отнести уже к IV в. Расцвет же цирковых партий приходится на вторую половину V–VI вв. В конце XII в. Феодор Вальсамон писал об уже давней для него истории этих объединений: «Когда димы распорядились в зрелищах ипподрома и устраивали их, когда и как хотели, на собственные средства, так как имели и дома, и конюшни, сохранившиеся и доныне, и доходы на ипподром». «В те времена ристалища были во власти народа», – утверждал он.

Клубов, различавшихся по цвету командной формы возниц – короткой, без рукавов туники, перепоясанной кожаными ремнями – было четыре:

венеты (синие или голубые), прасины (зеленые), левки (белые) и русии (красные). Четыре цвета трактовались символически, их связывали либо четырьмя временами года, либо со стихиями, либо с определенными боже-ствами. Так, венеты были символически связаны с осенью, водой (морем) или воздухом, Кроносом, Посейдоном или Герой; прасины – с весной, зем-лей, Флорой или Афродитой; левки – с зимой, воздухом или водой, Зевсом; русии – с летом, огнем и Аресом. Постепенно эта своеобразная спортив-ная тетрархия трансформировалась в дуумвират, ведущую роль в котором играли венеты и прасины. Иногда в источниках их стали называть также мерами – от греческого слова «часть» – подчеркивая тем самым, что они были двумя частями, на которые разделялся народ Константинополя. Исто-рик начала VII в. Феофилакт Симокатта писал: «Весь ромейский народ де-лился на сторонников двух этих цветов, а из-за этого его жизнь омрачалась великими бедствиями».

Оттесненные на второй план левки присоединились на правах млад-шего партнера к синим, а русии – к зеленым. Каждая из факций занимала определенный сектор на трибунах ипподрома. Так, зеленым принадле-жали полторы тысячи мест слева от кафисмы, а синим – девятьсот справа. Болельщики белых и красных, а также зрители, не относившиеся офици-ально ни к одному из клубов занимали места на противоположной к импе-раторской ложе западной трибуне.

Неимоверная популярность скачек на ипподроме неизбежно вела к тому, что организации болельщиков приобретали общественное, политические значение и вес. Благодаря этому цирковые партии становились не только спортивными, но и важными общественными организациями, выполняли гражданские, церемониальные и военные функции. В какой-то мере димы были далеким отголоском древнегреческих демократических традиций. Собственно, само слово «дим» происходит от древнегреческого «демос» – «народ». Во главе каждого дима стояло выборное руководство во главе с «димархом», «димократом», а византийские писатели того времени упо-минали о существовании в городах империи, прежде всего в византий-ской столице, своеобразной «димократии» – власти димов, но не народа в целом. Именно партии, по выражению той эпохи, «димократствуют», а их представители получают наименование «димотов», выступающих как наиболее полноправная и организованная сила из среды народа. Как свидетельствуют источники, в случае необходимости представители ди-мов привлекались к пожарной службе, возведению и ремонту укреплений, в народное ополчение для защиты столицы. Впрочем, под «димократией» писатели того времени обычно понимали учиняемые димотами волнения, в связи с чем само слово было у них синонимом беспорядка, анархии и ха-

оса. Как отмечал выдающийся отечественный византист XIX – начала XX вв. Федор Иванович Успенский, это была «демократия со свойственной ей разнузданностью, но без свойственной ей свободы».

К X в. димы утратили свое реальное значение и приобрели преимущественно церемониальный характер. В трактате «О церемониях византийского двора» император Константин VII Багрянородный (945–959 гг.) подробно описывает ритуальную роль этих объединений, свидетельствуя о том, что по своим функциям они были формальными выразителями и представителями общественного мнения жителей Константинополя. Во время коронации димоты должны были возносить славословия императору по заранее установленному протоколу, когда возглас вначале произносился специальными запевалами, а потом народ трижды повторял его. Ранее, в V–VI вв. за этими ритуализировавшимися к X в. восклицаниями стояла реальная политическая роль димов, высказывавших пожелания и выдвигавших требования новоизбранному императору, а то и требовавших свержения неугодного им царя и провозглашения нового, как это случилось во время городских мятежей.

Таким образом, ипподромные, сугубо околоспортивные организации болельщиков вполне естественно превращались в ходе своего усиления в IV–V вв., в объединения политические, народ Константинополя получал в их лице сплачивающую силу, способную выражать его коллективные интересы. Димам были предоставлены определенные права, прежде всего – право прямого обращения к императору (или местному представителю государственной власти, если речь шла о провинциальном городе) во время проведения скачек на ипподроме. Организованные зрители-болельщики, по сути, представляли собой все население города, и могли громкими восклицаниями выражать свое отношение к действиям власти. Современники называли эти совместные согласованные выкрики аккламациями, что переводится с латыни как «выкрик, восклицание».

В 331 г. Константин Великий издал специальный эдикт об аккламациях: «Мы предоставляем всем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей с тем, чтобы мы могли соответствующим образом вознаградить их и, напротив, предоставляем право обвинять несправедливых и негодных правителей возглашением жалоб, чтобы сила нашего контроля воздействовала на них, ибо, если эти восклицания действительно отражают истину, а не являются инспирированными возгласами клиентов, мы тщательно будем расследовать их, причем префекты претория и комиты должны доводить таковые до нашего сведения». Благодаря указу об аккламациях горожане не просто выражали свое мнение путем одобрительных или порицающих выкриков, но и полу-

чали возможность критиковать государственных чиновников и даже самого императора с целью реально повлиять на их действия.

Местом, где такое проявление прямой демократии было возможным сугубо технически оказывались не храм св. Софии или форум Константина, а именно ипподром – сердце общественно-политической жизни жителей столицы. Именно здесь проводили религиозные процессии, к примеру, важное шествие в Вербное воскресенье, за неделю перед Пасхой, а также государственные церемонии и политические собрания. Здесь устраивали триумфы в честь победы над врагами, выставляя напоказ богатые военные трофеи и диковинного вида пленников, производили раздачу части захваченной добычи и награждали отличившихся воинов, казнили государственных преступников или публично издевались над поверженными политическими противниками.

В 766 г. император-иконоборец Константин V устроил на ипподроме удивительное зрелище – выставил, по словам хрониста Феофана, «на посмеяние и на бесчестье образ монахов, приказал каждому из них весть за руку женщину и таким образом явиться на ипподром, а между тем весь народ плевал на них и делал над ними все ругательства». В 768 г. этот же василевс расправился на ипподроме с патриархом Константином: «В тот же день на ипподроме выдергали ему ресницы и брови, выдергали всю бороду и все волоса с головы; потом одели в шелковый без рукавов мешок, посадили на осла наизворот оседланного, за хвост которого он должен был держаться, и вели его чрез малый на великий ипподром, и весь народ и все стороны смеялись и плевали на него. Осла тащил внук его Константин, уже с отрезанным носом. Когда он был посреди двух сторон зрителей, то все сошли с мест своих, плевали на него и бросали пылью. Приведши его к мете, сбросили его с осла и топтали шею его. Потом посадили пред народом и он должен был слушать от них насмешки и ругательства, пока кончились игры».

Предназначенный для проведения конных ристаний цирк служил важным местом встречи императора с его подданными, и не удивительно, что именно здесь хула и похвала из уст народа с наибольшей вероятностью могла достичь его царственного уха. Каждый раз, когда подданные хотели обратиться к императору напрямую, они стремились собраться на ипподроме, причем, видимо, не только во время проведения зрелищ, но и в любой другой важный для них момент. Как видим, именно здесь не только император мог объявить народу о новых распоряжениях, но и подданные имели возможность донести свою правду до высокого слуха правителя. Здесь государь и народ встречались лицом к лицу.

Эдикт Константина был тем средством, которое позволило скачкам на ипподроме стать не просто спортивно-развлекательным мероприятием,

но приобрести сугубо политические функции, а клубам болельщиков отдельных команд сложиться в своеобразные политические партии. Благодаря эдикту жители бывшего Византия приобретали права и прерогативы горожан Константинополя – резиденции императора и новой столицы империи. При этом правом аккламаций активно пользовались и в других важнейших мегаполисах империи, прежде всего в сирийской Антиохии и египетской Александрии.

Впрочем, реальное значение выкриков на ипподроме не стоит переоценивать – во многом аккламации были определенной фикцией народной власти. Как у представителей власти, так и у заинтересованных богачей была возможность нанять ловких горлодеров, которые должны были в нужный момент направить восклицания собравшейся толпы в правильное русло. Ритор Либаний в своих речах выпустил немало осуждающих инвектив в сторону таких заводил-клакёров, не отрицая при этом их влияния на настроения народа: «У тех, кто возглашает славословия правителям, у тех сила! Они властвуют над массой простых людей благодаря мощи своих голосов. И этот народ мечет громы и молнии, на кого пожелает, и тем приходится плохо». Призывы обычно касались порицания или восхваления тех или иных должностных лиц, либо иных требований политического характера. Их старались выразить в краткой, хлесткой и легко запоминающейся фразе или речевке, которую подхватывали болельщики, если она действительно им нравилась. «Многая лета императору!», «Василевс, изобилие городу!», «Другого императора ромеям!», «Правоверного василевса вселенной!», «Честных архонтов вселенной!», «Доносчиков гони вон!», «Выгони вон вора – городского эпарха!» – такие возгласы были весьма типичными и легко подхватывались толпой. Как отмечал упомянутый уже Феодор Вальсамон, пользуясь правом свободного выражения своих настроений «во время ристаний граждане изрыгали перед лицом царя бесстыдные речи».

В целом димы как спортивные объединения болельщиков охватывали все слои населения, от крайне зажиточных представителей знати, чиновничества, купечества и землевладельцев до многочисленных городских бедняков. Именно последние составляли основной контингент каждой из цирковых факций. В то же время во главе каждого объединения стояли руководящие группы богатых спонсоров, содержавших спортивное хозяйство партий в промежутках между играми. На средства этих богачей удерживалось как постоянное оборудование каждой из партий, необходимое для зрелищ, так и его разнообразная и весьма значительная по количеству услуга. По словам Прокопия Кесарийского, в VI в. зрелища «многим, почти бесчисленному количеству, давали пропитание». Порой богатые фана-

ты жертвовали на свой клуб значительную часть, а то и все свое состояние. Поначалу членом одной из партий становился и сам император, выказывая ей особое внимание и поддержку, со временем, однако, правители, симпатизируя достаточно явно одной из факций, официально стали придерживаться нейтралитета в их спортивной и околоспортивной борьбе.

Основной состав каждой из партий, низы болельщиков были весьма близки по социальному положению, однако спортивная, состязательная природа ипподрома способствовала разделению имевшего общие интересы простонародья на соперничавшие между собой вплоть до вражды и открытых стычек объединения. Властям Византии, унаследовавшим римский принцип «*divide et impera!*» («разделяй и властвуй!»), именно зрелища на ипподроме позволяли разобщить непокойный городской плебс и, противопоставляя одну спортивную факцию другой, затруднить, а в идеале исключить возможность совместного их выступления против государства. Исидор Пелусиот отмечал в своих письмах, что зрелища, при всей их греховности, являются также и благом, поскольку отвлекают беспокойных горожан от мятежных замыслов: «Те, которые вначале внесли в города смертоносное наслаждение, дошли до этого по основательной причине. Они, усматривая, что жители городов нередко задумывают нечто отважное, признав нужным в самом основании пресечь корень мятежа и не допускать правителей до необходимости вести двойную войну – и внешнюю, и внутреннюю, – изобрели и устроили это самое занятие, чтобы дать им повод к борьбе, которая сильно истощила бы раздражительность в людях. Таково постоянное соперничество конями таких людей, которые, может быть, придумали бы и худшее». Таким образом, околоспортивные страсти выступали предохранительными средствами против народных восстаний, факции прасинов и венетов были клапанами, позволявшими понемногу стравливать пар народного недовольства.

Верхушка партии зеленых была связана с торгово-ремесленной деятельностью, сюда входили богатые купцы и ростовщики. Особенно сильны они были в восточных провинциях империи, с их крупными городами, известными центрами ремесла и торговли того времени. В начале своей истории верхушка прасинов стояла на позициях сохранения традиций местного городского самоуправления. Частично поддерживали их и местные землевладельцы. Во внешней политике империи зеленые поддерживали восточный вектор, стремились к расширению торговли со странами Востока, обеспечению безопасности на восточных границах. Особую позицию занимали они и в вопросах христианского вероучения, придерживаясь монофиситства, утверждая, что у Христа была лишь одна природа – божественная и отрицая в нем человеческое начало. Именно в восточных

провинциях Византии была сосредоточена основная масса сторонников этой популярной ереси. Возможно, к прасинам-монофиситам в рамках единой факции примыкали также представители других, менее популярных еретических течений, ведь их сближению способствовала общая неприязнь к православным.

Руководители венетов, в свою очередь, происходили из греко-римской землевладельческой аристократии, сенаторской знати, которые выступали за централизацию власти и усиление столичной бюрократии. Основным регионом их влияния был Балканский полуостров с его немногочисленными крупными городами, и, соответственно, во внешней политике для них было важным западное направление, защита от северных и западных варваров, расширение и укрепление границ империи в этом регионе. В религиозном отношении синие были приверженцами официального ортодоксального христианства и стремились уничтожить все угрожавшие ему ереси, в особенности поддерживаемую прасинами ересь монофиситства.

Селились венеты и прасины отдельно, создавая в пределах столицы отдельные кварталы, заселенные исключительно сторонникам одной из партий. Кварталы синих и зеленых перемежались как и на окраинах Константинополя, так и в центре, вдоль главной магистрали города – улицы Меса. Подобным образом дело обстояло, видимо, и в других крупных городах Византии, где болельщики одного клуба также стремились не только сидеть рядом на трибунах ипподрома во время скачек, вместе праздновать победу или горевать по поводу поражения, но и предпочитали проживать среди единомышленников, находя среди них поддержку и понимание.

В целом, однако, следует помнить, что прасины и венеты не были устойчивыми объединениями по политическому, религиозному, территориальному, социальному или профессиональному признакам – единственным, что несомненно объединяло крайне разношерстных по своему составу представителей внутри этих клубов была групповая психология болельщиков. Зрители сплачивались в клубы на сугубо эмоциональной основе, порождая между собой связи, гораздо более сильные, чем экономические, политические, дружеские и даже кровные.

В «Воине с персами» Прокопий Кесарийский писал: «В каждом городе димы издревле делились на венетов и прасинов, но лишь с недавнего времени они тратят деньги и не считают недостойным для себя быть подвергнутыми суровым телесным наказаниям и самой позорной смерти из-за этих названий и из-за мест, которые они занимают во время зрелищ. Они сражаются со своими соперниками, не ведая, из-за чего подвергают себя подобной опасности, и вполне отдавая себе отчет в том, что даже если они и одержат победу в побоище со своими противниками, им не останется ни-

чего другого, как быть заключенными в тюрьму и, претерпев там жестокие мучения, погибнуть. Эта вражда к ближним родилась безо всякой причины и останется вечно неутоленной, не отступая ни перед родством, ни перед узами дружбы даже и тогда, когда родные братья или как-то иначе связанные между собой люди оказываются приверженцами различных цветов. ...И если кто-либо совершает нечестивое перед Богом дело, если законы и государство претерпевают насилие от своих или от врагов, и даже если они сами терпят недостаток в самом необходимом, это их несколько не беспокоит, лишь бы их партии было хорошо. Партией они называют своих сообщников».

В рамках объединения царил дух братства и солидарности, степень сплоченности болельщиков одного клуба основывалась на ощущении общей причастности к спортивной борьбе на арене ипподрома, личном участии каждого из них в победе или поражении поддерживаемого ими возницы. Фанатам казалось, что исход состязаний зависит в том числе и от их действий и усилий – не случайно они «пальцами, словно бичами, погоняли коней». Торжество спортсмена своей команды над соперником на ипподроме было несомненным личным успехом для болельщика, знаком благоволения судьбы как к факции в целом, так и к каждому ее представителю по отдельности. Растворяясь при этом в массе дружественно настроенных собратьев по клубу, каждый из болельщиков чувствовал себя в безопасности, получал возможность открыто выражать свои чувства в поддержку любимой команды при бурном одобрении окружающих.

Соперники, спортсмены и болельщики чужого цвета, воспринимались как враги, мешающие не просто победе в спортивном состязании, но практически личному счастью и благополучию. При этом чувство вражды переносилось со спортсменов (они воспринимались как исключительные люди, пребывающие на ином уровне отношений) на болельщиков другой команды, благодаря чему спортивная борьба на арене практически всегда сопровождалась конфликтом фанатов на трибунах ипподрома и улицах города. Болельщики стремились закрепить успех, если их команда побеждала, или «отыграться» и исправить ситуацию, если проигрывала. В лучшем случае это противостояние сводилось к оскорбительным выкрикам в адрес болельщиков команды клуба-соперника, в худшем заканчивалось стычками и даже яростным дракам, которые могли привести к тяжелым увечьям и даже нескольким смертям.

Наиболее активной, беспокойной частью каждой из партий были так называемые стасиоты, мятежные бунтари-хулиганы, которых вполне можно сравнить с современными футбольными фанатами-ультрас. Это были, по большей части, юноши, склонные к активным радикальным действиям.

Прокопий Кесарийский писал о них: «Как я уже рассказывал в прежних книгах, народ издавна делился на две части. Перетянув на свою сторону одну из них, венетов, которым случалось и ранее ревностно ему (имеется в виду император Юстиниан) содействовать, он сумел все привести в смятение и беспорядок. ... Однако не все венеты сочли подобающим для себя следовать желаниям этого человека, но лишь те из них, которые являлись стасиотами. ... Не пребывали в бездействии и стасиоты прасинов и творили преступления, как только им представлялась такая возможность, хотя их-то как раз постоянно наказывали».

По своему социальному составу стасиоты-ультрас были в основном небогатыми, и, для того чтобы пощеголять на ипподроме модной одеждой с пурпурной каймой, вынуждены были «приобретать ее незаконными средствами», по всей видимости, путем грабежа. Хитоны они носили своеобразно, узко стягивая их возле кисти и максимально широко расправляя по направлению к плечам, так что там они свисали широкими буфами, создавая впечатление мощной мускулатуры атлета. Прокопий писал: «Всякий раз, когда они в театре или на ипподроме, крича и подбадривая [возничих], как это обычно бывает, размахивали руками, эта часть [хитона], естественно, раздувалась, создавая у глупцов впечатление, будто у них столь прекрасное и сильное тело, что им приходится облекать его в подобные одеяния, между тем как следовало бы уразуметь, что такая пышная и чрезмерно просторная одежда еще больше изобличает хилость тела».

Они также ввели новую моду на прически. Стасиоты не брили бороду и усы, чем напоминали современникам пышнобородых персов, а голову напротив обривали спереди вплоть до висков, оставляя сзади беспорядочно свисающие длинные пряди. Возможно, чем-то такая прическа напоминала знаменитый чуб-оселедец украинских козаков. Эта мода казалась благопристойным византийцам совсем уж варварской и получила название гуннской.

Стасиоты организованно посещали военно-спортивные секции, обучаясь там, в том числе, метанию копья и стрельбе из лука. Во время уличных стычек с соперниками и / или городской стражей именно они были основной ударной силой факции, в связи с чем им запрещалось иметь при себе оружие. Запрет этот, впрочем, регулярно нарушался, и, по свидетельству того же Прокопия, стасиоты «по ночам открыто носили оружие, днем же скрывали под одеждой у бедра небольшие обоюдоострые кинжалы». Если заменить ножи на кастеты и бейсбольные биты, то поведение футбольных ультрас вполне будет соответствовать этому описанию.

Стасиотов нередко как обоснованно, так и надуманно обвиняли в хулиганских выходках и кутежах, грабеже, вымогательстве, разврате, даже

убийствах и изнасилованиях. По свидетельству того же Прокопия, они наводили такой страх на горожан, что те даже днем боялись выходить на улицы в пристойной их сану и богатству одежде, предпочитая надевать «одежду много хуже той, что предписывал их сан» и использовать медные пояса и пряжки вместо золотых, «дабы не погибнуть из-за любви к прекрасному». С наступлением ночи жители города и вовсе стремились поскорее укрыться в своих домах.

Впрочем, современники прекрасно понимали, что отваживаться на все перечисленное стасиоты могли лишь при попустительстве, покровительстве и даже прямом руководстве представителей власти. И даже тогда, когда зло, по их мнению заходило слишком далеко, они «оказывались людьми благоразумнейшими» и «грешили гораздо меньше, чем позволяли им обстоятельства». Обычно же их агрессивность исчерпывалась драками с фанатами факции соперников.

При этом городские волнения цирковых факций нередко отличались агрессивностью и неприкрытой жестокостью, они могли начаться совершенно внезапно и длиться очень долго, то затухая, то вновь усиливаясь. По свидетельству хрониста Феофана, во времена императора Юстина, венеты «бесчинствовали в течение пяти лет», с 518 по 523 гг., вплоть до того, как епархом города стал Феодот, которому были предоставлены широкие полномочия для усмирения мятежников. Именно в период пребывания в должности этого градоначальника борьба византийского правительства с городской вольницей партий ипподрома была наиболее последовательной и эффективной. Правительство стремилось ограничить реальную самостоятельность и инициативу димов посредством законодательных и административных мер, ставя их в подчинение ведомству константинопольского градоначальника. Так, в 527 г., когда Юстиниан стал соправителем Юстина, был издан эдикт о запрете борьбы партий ипподрома, а в Антиохии, где в 529 г. случились очередные городские волнения, и вовсе было запрещено проведение игр, что лишало горожан основного места собраний.

Некоторые исследователи склонны подчеркивать исключительно деструктивную природу межфакционной борьбы и самих партий ипподрома, утверждая, что основной их социальной функцией было насилие ради самого насилия, а всю их политическую позицию можно выразить двумя словами – «быть против»! Против чего угодно, лишь бы это позволяло проявить и утвердить себя, доказать свою значимость и заставить с собой считаться. Якобы, они боролись лишь за то, чтобы безнаказанно осуществлять самоуправство, и показательным в этом плане является частое стремление факций освободить от ответственности задержанных городской стражей зачинщиков беспорядков и рядовых хулиганов из числа од-

ноклубников. Следует при этом признать, что факционарии нередко столь же яро выступали и за освобождение задержанных из партии соперников, взывая к властям о человеколюбии.

Впрочем, пока в столице было спокойно, мелкие стычки между представителями цирковых партий были обыденным делом и обычно ограничивались хулиганскими выходками и легкими побоями соперников и, по сути, не выходили за пределы сугубо околоспортивных столкновений разгоряченных состязаниями болельщиков. Однако в критические моменты истории византийского государства привычные потасовки, пресекавшиеся стражниками ведомства эпарха города, могли перерасти в масштабные общенародные выступления, угрожавшие императорской власти. Первый современный исследователь партий ипподрома раннесредневековой Византии, историк XIX в. А. Рамбо писал: «Раздоры факций касались как бы поверхности византийской жизни. Прасины и венеты, ссорясь между собой, были подобны дельфинам, которые, казалось, мучили своими играми и драками только поверхность волн, но, когда поднималась буря и приходило в движение самое море, они сразу исчезали из глаз. В спокойном государстве прасины и венеты казались чем-то страшным, но, когда государство взволновано – нет».

Пика своей остроты борьба цирковых партий, бывшая одним из наиболее ярких социальных процессов в истории ранней Византии, достигла во второй половине V – начале VII вв. Противостояние между фракциями выплескивалось из эллипсоидной чаши ипподрома на скатерть площадей и улицы города, порождало народные волнения, мятежи и восстания. Соответственно, именно в это время их значение во внутренней политике государства было наиболее мощным. Они старались заставить власть считаться с их интересами и требованиями, а в случае смены императора пытались поддержать в борьбе за престол выгодного им кандидата или даже выдвигать своих ставленников.

Императоры, в свою очередь, могли опираться на ту или другую партию или же противопоставлять их друг другу. Одни из них придерживались восточного направления внешней политики, уделяли больше внимания финансовым делам, чем армии и поддерживали монофиситов. Они были сторонниками прасинов – это Феодосий II (408–450 гг.), Зинон Исавриец (474–491 гг.), Анастасий Дикор (491–518 гг.). Другие же уделяли основное внимание Западу, были приверженцами официального православия и сторонниками активного военного противостояния варварам. Они, соответственно, поддерживали и опирались на венетов. Такими императорами были Маркиан (450–451 гг.), Лев I (457–474 гг.), Юстин II (565–578 гг.), Тиверий II (574–582 гг.) и Маврикий (582–602 гг.).

Выделяют два типа городских мятежей факций: 1) борьба цирковых партий между собой как на ипподроме, так и по всему городу; 2) выступление одного из цветов или их обоих совместно против представителей власти. В последнем случае спортивные и иные противоречия между партиями отступали на второй план и димы стихийно объединялись, создавая союз, называвшийся современниками «прасиновенетами». Происходили волнения с завидной регулярностью, в одном лишь Константинополе насчитывается свыше 30 крупных волнений за 74 года. Поводы для выступлений были различными – неприемлемая религиозная позиция правительства, недостаток снабжения столицы продовольствием, непомерный налоговый гнет, произвол со стороны отдельных чиновников, общее недовольство политикой императора. Наиболее мощные выступления партий ипподрома приходятся на время правления императоров Анастасия I Дикора (491–518 гг.) и Юстиниана I Великого (527–565 гг.). Стоит остановиться на некоторых наиболее ярких из них, чтобы получить представление о том, как происходили столкновения ультрас в эпоху, когда не было еще фаеров, петард и баллончиков с краской.

Пожалуй, первые массовые городские волнения, учиненные цирковыми факциями, относятся ко времени правления императора Анастасия I Дикора (491–518 гг.). Именно к концу V – началу VI вв. партии ипподрома окончательно утвердились в своей силе и влиянии, в том числе и на императорскую власть. Уже сама коронация Анастасия I является красноречивым свидетельством возросшего политического значения димов. Дело в том, что этого императора по сути короновали 11 апреля 491 г. на ипподроме дважды, вводя в кафисму с важными символическими отличиями в одежде. В первый раз его обрядили в белый с золотыми клавирами стихарь-дивитисий, поножи, красные императорские сапожки-кампагии и узкие штаны-тувии, а на голову компидуктор копыеносцев возложил свое ожерелье. В таком виде коронуемого подняли на щит и показали народу. И лишь после того, как кандидатура Анастасия была символически одобрена собравшимися на ипподроме, которые представляли согласованное мнение факций венетов и прасинов, его короновали уже официально – облачили в императорскую хламиду и патриарх возложил на него венец. Лишь после этого коронация могла считаться окончательно состоявшейся, и новый император явился перед народом, который приветствовал его аккламациями: «Как ты жил, так и царствуй! Безупречных правителей миру! Подними свое войско! Сжался над своими рабами! Изгони доносчиков! Царствуй, как Маркиан!».

Анастасий не проявлял особого интереса к играм, полагая их мероприятием слишком затратным и небезопасным, однако, придерживаясь традиции, формально принимал в них участие и выбрал в качестве «своей»

партию красных – русиев. Поскольку красные примыкали к зеленым, то, в глазах болельщиков, это означало поддержку императорской властью прасинов. Впрочем, уже вскоре после восшествия нового императора на престол произошло и первое совместное, без разделения на синих и зеленых, выступление партий ипподрома против государственной политики. В том же 491 г. градоначальник Константинополя Юлиан запретил народу собираться на ипподроме вне проведения скачек, и, по всей видимости, значительно сократил количество проводимых игр. Горожане, увидев в этом ущемление своих прав, во время очередных дозволенных состязаний подняли на ипподроме мятеж – Комит Марцеллин называет эти события «плебейской войной» (*bellum plebeium*). Анастасий попытался подавить его силой, но повстанцы не сдавались и подожгли северные ворота ипподрома, находившиеся вблизи кафисмы, вследствие чего пожар распространился по «весьма большой части города». В итоге император вынужден был пойти на уступки и снять с должности эпарха города Юлиана, заменив его своим зятем патриkiem Секундином. Беспорядки повторились в 493 г., когда восставшие низвергли с пьедесталов статуи императора и императрицы и непочтительно волочили их по улицам.

Весьма значительным оказался очередной крупный мятеж, случившийся в 498 г., когда во время скачек на ипподроме прасины стали просить императора Анастасия освободить арестованных ранее эпархом города «камнеметателей» – активных представителей факции, бросавших с трибун камни в своих противников. Показательно, что когда просители получили отказ и правитель выслал против них стражу, зеленых поддержали синие, в которых, по всей видимости, и были брошены ранее камни задержанных. Как видим, перед неподобающими, неприемлемыми, по их мнению, действиями власти, обе факции объединялись и действовали сообща.

С вмешательством гвардейцев беспорядки лишь усилились, представители обеих димов двинулись к императорской ложе и стали бросать камни уже в самого императора. Один из камнеметателей, некий Мавр, едва не попал в императора, за что был изрублен на куски взбешенной стражей. В ответ факционарии подожгли Халку – медные ворота ипподрома, и огонь начал распространяться и в сторону кафисмы, и по направлению к городу, серьезно опустошив форум Константина и весь портик вплоть до Эксаиппия, называвшегося так, видимо, потому, что там была расположена статуя, изображавшая упряжку из шести лошадей. И хотя императору удалось в итоге усмирить бунтовщиков, многие из которых были задержаны и сурово наказаны, он все же вынужден был пойти на уступки, сместить прежнего эпарха города и назначить на эту должность Платона, патрона партии зеленых.

Кровопролитное столкновение факций случилось также в 501 г. во время весенних зрелищ празднования майской вриты. Прасины тайком пронесли на ипподром оружие и камни, спрятанные в сосудах и прикрытые сверху фруктами, якобы предназначенными для продажи, поскольку проносить оружие на ипподром было запрещено, подобно тому, как это сделано на современных стадионах и по тем же причинам. В момент появления на трибуне городского епарха Константина Цурукки зеленые забросали синих камнями, а затем, выхватив мечи, бросились на соперников и, как пишет в своей хронике Комит Марцеллин, «обагрили себя кровью многих горожан, не пощадив своих друзей и близких». Венеты пытались бежать и гибли во время давки в тесноте проходов. Общее число пострадавших составило более трех тысяч человек, причем среди погибших оказался незаконнорожденный сын императора Анастасия. После этого мятежа император запретил отмечать праздник в старой языческой форме.

Наиболее же мощные народные факционные волнения эпохи правления Анастасия приходятся на 511 и 512 гг. Они были связаны с очередной попыткой введения монофиситского вероучения в Константинополе. В 511 г. придерживавшиеся монофиситских взглядов входившие в правительство лидер прасинов Платон, сириец Марин и евнух Амантий при негласной поддержке императора попытались открыто распространить свою веру. Во время церковной службы в придворной церкви архангела Михаила и соборе св. Софии они, используя свезенных в столицу восточных монахов, в частности широко известного Севера, стали прибавлять монофиситскую приставку к трисвятому – «распятый за нас». Это возмутило народ, и собравшиеся палками разогнали монофиситов. Одновременно Анастасий, поддерживая Севера и Юлиана Галикарнасского, выступил против ортодоксального патриарха Македония, и публично оскорбил священнослужителя, дав клятву, что больше никогда не будет его лицезреть. В ответ приверженцы православия подняли столь мощный бунт, что охваченный паникой император заперся во дворце и был готов бежать на заранее приготовленных судах. В итоге Анастасий вынужден был уступить и лично пригласил патриарха Македония во дворец, где его торжественно приняли с большим почетом. Лишь это смогло успокоить восставших.

Год спустя, однако, император смог добиться своего и отправить Македония ссылку, заставив патриарха покинуть город под покровом ночи, подалее от глаз ортодоксально настроенного простонародья. Преемником Македония стал поддерживавшийся Анастасием Тимофей, исповедовавший монофиситство. 4 ноября 512 г. новый патриарх поручил духовенству во время богослужения в св. Софии пропеть монофиситское прибавление к трисвятому «распятый за нас». Вспыхнувшие протесты прихожан были

подавлены вооруженной стражей, несмотря на то, что дело происходило в церкви. События повторились на следующий день, на этот раз в церкви св. Феодоры, где множество горожан было убито.

Это вызвало мощное и согласованное выступление цирковых факций 6 ноября 512 г. «Массы прасинов и венетов объединились против императора Анастасия», – писал хронист VI в. Виктор Тонненненский. Горожане собрались на форуме Константина, который был избран штабом восстания и куда принесли ключи от города и военные знамена. Собравшиеся повалили статуи императора и таскали их по земле. Посланных Анастасием для усмирения толпы сенаторов Келера и Патрикия забросали камнями и прогнали.

Толпа окружила дворец, скандируя: «Другого императора ромеям!». Заочно василевсом провозгласили слывшего правоверным христианином и относившегося к партии венетов Ареовинда, прославленного победами над персами полководца и мужа патрикии Юлианы Аниции, внучки императора Валентиниана III. Окружив дом Юлианы, восставшие требовали, чтобы он вышел к народу и принял императорский сан. Когда же, не желая становиться узурпатором, Ареовинд бежал на другой берег Босфора, восставшие сожгли его дом, а также дома племянника Анастасия патрикия Помпея и Марина Сирийца. Из-за разбушевавшегося пожара в итоге выгорела вся Меса вплоть до форума Константина. Сам Марин сбежал, но в его доме обнаружили некоего восточного монаха-монофисита. Под возгласы «Вот он – враг Троицы!» толпа обезглавила инока и, водрузив его голову на шест, носила ее по городу в знак победы.

На следующий день, 7 ноября, Анастасий, понимая, что подавить восстание силой уже не удастся, явился на ипподром и при большом стечении народа, требовавшего предать смерти Платона и Марина, объявил, что готов отречься от власти. Как писал в своей «Церковной истории» Евагрий, император вышел «на конское ристалище без короны и послал глашатая объявить народу, что он готов сложить с себя верховную власть, но всем невозможно принять ее – множества она не терпит, и что после него только один будет правителем государства». Собравшиеся, видя кротость императора, стали просить Анастасия надеть корону и вернуться на престол, ведь, после бегства Ареовинда, иной кандидатуры у них не было. Император пообещал выполнить требования восставших, однако в итоге нарушил данное слово и постепенно жестоко расправился с зачинщиками и организаторами беспорядков. «Немалый страх был в Константинополе и во всех городах Романии», – писал об этом Иоанн Малала.

Сильные стычки прасинов и венетов приходится на 549 г. 11 мая, во время организованных по поводу празднования дня рождения Констан-

тинополя конских ристаний, произошла схватка между представителями обеих факций, во время которой погибло множество людей. Борьба была продолжена в июле того же года и возобновилась год спустя, в 550 г., при эпархе города Иоанне Кокорвии. Интересно отметить, что стычки начались на ипподроме тогда, когда на нем не происходили скачки, а толпа во время побоища, как свидетельствует хронист Феофан, «бросилась грабить эргастирии».

Крайне ожесточенной борьбой цирковых партий оказался отмечен 559 г. 13 мая, после окончания ежегодных ристаний, прасины подверглись оскорблениям и нападению со стороны венетов. Синие начали поджигать приморские склады, принадлежавшие зеленым, а если кто-то пытался их тушить, стреляли в него из луков. Прасины в отместку стали поджигать дома известных покровителей венетов – чиновников логофета Андрея и префекта Петра Варсимы. Длившееся два дня противостояние было прекращено лишь после вмешательства войск, с трудом усмиривших представителей обеих факций.

Весьма значительными были столкновения синих и зеленых в 561 г., после масштабного пожара на складах в гавани Кесарии. Перед началом игр прасины напали на венетов и городской страже не удалось их разнять. Синие ринулись на ипподром, захватив трибуны зеленых и выкрикивая: «Жги здесь, жги там. Здесь прасину не бывать». Зеленые же врывались в заселенные синими кварталы города, забрасывали жителей камнями и вопили: «Жги, жги здесь. Здесь венету не бывать». Погромы кварталов синих продолжились на следующий день, и лишь жесткое подавление бунтарей подчинявшимися градоначальнику полицейскими силами позволило пресечь бесчинства.

Значительные беспорядки случились в Константинополе в 563 г. в связи с назначением новым эпархом города некоего Андрея. Прасины забросали чиновника камнями в момент, когда он, после назначения, ехал на колеснице в свою резиденцию в претории. К ним вскоре присоединились венеты и вся центральная улица столицы оказалась охвачена мятежом. Бунтари ринулись в преторий и напали на его охрану. По приказу императора зачинщики были схвачены, а тем, кто применял оружие, отрубили пальцы.

Как можно видеть, подобные описанным волнения были явлением нередким, а мелкие стычки и вовсе не попадали в сферу внимания византийских писателей того времени как явление обыденное, привычное и всем хорошо известное, а потому не заслуживающее специального внимания. Их интересовали лишь крупные, значительные события, и наибольшим из них, несомненно, было совместное восстание партий венетов и прасинов в 532 г., вошедшее в историю под названием «Ника» от победного клича

повстанцев. Обычно кличем «Побеждай!» подстегивали и подбадривали во время скачек колесничих. Однако после событий января 532 г. в Константинополе слово «Ника» на долгие десятилетия стало для жителей Константинополя и всей Византийской империи столь же узнаваемым и связанным с вполне определенными событиями, как и слово «Майдан», которое, если его использовать вне всем известного контекста, является обычным урбанизмом, обозначающим площадь, широкую часть улицы или парк.

Началось очередное восстание, подобно многим другим, на ипподроме 11 января 532 г. и поначалу ничто не предвещало того, что оно станет неординарным событием в истории Византийской империи. На скачках, как было заведено, присутствовал правивший тогда император Юстиниан в сопровождении пышной свиты. Трибуны ипподрома были заполнены до краев, а на трибунах факции зеленых было особенно беспокойно. Прасины, пользуясь присутствием императора, хотели обратиться к нему с требованием уравнять их в правах с венетами. Дело в том, что с тех пор как к власти пришел Юстиниан, давний приверженец и покровитель синих, те, пользуясь поддержкой властей и будучи уверенными в своей безнаказанности, всячески притесняли зеленых. Именно против этой несправедливости и решились открыто выступить прасины во время очередных игр на ипподроме.

В «Хронике» Феофана сохранился интереснейший диалог, состоявшийся между вождями зеленых и императором перед началом состязаний. В науке за ним закрепилось название «Акты по поводу Калоподия». В нем зеленые со все нарастающим и плохо скрываемым раздражением заявляли о притеснении их свобод, утверждали, что могут появляться в столице лишь как преступники, позорно влекомые усаженными задом наперед на осле, поскольку любой человек, которого считают прасином, подвергается несправедливым гонениям со стороны властей. А в то время, как, по их словам, невиновных зеленых преследуют и всячески третировают, синие, виновные, в том числе, и в убийстве зеленых, остаются безнаказанными.

Император, в свою очередь, разгневанно отвергал все жалобы прасинов, обвиняя их самих в еретических взглядах (монофиситстве) и в том, что свои собственные преступления они стремятся переложить на других. От имени императора говорил специальный чиновник мандатор, выступавший своеобразными устами правителя. Вначале диалог полон намеков и иносказаний, но постепенно стороны начинают высказываться все более определенно.

Страсти до того накалились, что прасины, обвинявшие вначале спарфания Калоподия (отсюда и название диалога) и венетов, прямо называли императора Юстиниана главным виновником всех своих бед, обвинив его

в том, что убийства зеленых совершаются с его ведома и при его попустительстве, а дожидаться от него правосудия невозможно.

В итоге зеленые покинули ипподром, что было серьезным оскорблением императору. Хронист Феофан замечает: «И тотчас из-за каких-то магистров возник предлог для народного мятежа в Византии». Поначалу, впрочем, император не придал особого значения произошедшему и спокойно проследовал во дворец. Он приказал эпарху города Евдемону арестовать и наказать застрельщиков выступления на ипподроме, что и было сделано. При этом градоначальник показательно бросил в тюрьму и нескольких венетов. Можно полагать, что таким образом Юстиниан стремился продемонстрировать свое беспристрастное отношение к обеим партиям, однако на деле результаты оказались противоположными – они неожиданным образом сплотили представителей цветов в их противостоянии власти. Последовавшие за этим события способствовали еще большему объединению прасинов и венетов.

Всего арестованных было семеро, и четверых из них приговорили к отсечению головы, а троих – к повешению. С целью устрашения их провезли через весь Константинополь и отправили к месту казни по другую сторону Золотого Рога. Но случилось так, что двое из приговоренных к повешению сорвались с веревок и остались живыми. При этом один из них был прасином, а другой – венетом. Это расценивалось как проявление Божьей милости, и собравшаяся поглазеть на казнь толпа стала требовать освобождения оставшихся в живых приговоренных. К народу, впрочем, не прислушались и повесили сорвавшихся повторно, но они вновь остались живы – на сей раз развалилась виселица. После повторного проявления божественной, по мнению собравшихся горожан, воли, казнить чудесно спасшихся было уже невозможно – их следовало отпустить. Видя, что власти не сделают этого, присутствующие отбили обоих димотов у стражи и решил отправить их в обладавшую правом убежища церковь. С криками: «В церковь их!» прасина и венета при помощи монахов из находившегося неподалеку монастыря св. Конона посадили в лодку и по морю переправили в церковь св. Лаврентия, расположенную у Золотого Рога в квартале Пульхерианы. Градоначальник Евдемон, узнав о случившемся, отправил городскую стражу стеречь укрывшихся в церкви.

Произошедшее одновременное чудесное спасение димотов двух цветов окончательно закрепило единство партий – возникло стихийное объединение «прасиновенетов». 12 января венеты и прасины договорились о том, что совместно будут требовать помилования осужденных. Такая возможность должна была представиться им на следующий день, 13 января, когда начинались иды и на ипподроме вновь были запланированы конские

ристания. Собранный в этот день на трибунах народ совместно настойчиво требовал помилования приговоренных к казни и «спасенных Богом», но Юстиниан упорно не удостоивал присутствовавших своим ответом. В ответ разозленные димоты открыто заявили о создании союза прасиновенетов, выкрикивая: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!». По словам Иоанна Зонары, «когда родилась у димов ненависть к василевсу и василиссе, обе партии заключили между собой соглашение, хотя всегда враждовали друг с другом, и начали мятеж».

Славословия прасинам и венетам были прямым оскорблением Юстиниана, ведь это императору, а не самим себе должны были представители факций возносить пожелания многих лет жизни и царствования. Интересно отметить, что решительное выступление димотов произошло после 22-го заезда колесниц, которых, как мы помним, обычно было 24. В сложившейся ситуации никого уже не интересовало, колесница какой партии победит в гонке – народ в едином порыве покидал ипподром, выплескиваясь на улицы столицы и учиня беспорядки. Лозунгом-паролем восставшие избрали возглас «Ника!». Как утверждает Иоанн Малала, клич был принят для того, чтобы «солдаты или экскувиты не примешались к восставшим».

Вечером того же дня восставшие явились к резиденции епарха города – преторию – и стали требовать убрать стражу от церкви св. Лаврентия. Не дождавшись ответа, они перебили охранявших преторий солдат, освободили содержащихся в его темнице заключенных, а сам преторий подожгли: «Тогда-то, – отметил Прокопий Кесарийский, – городские власти Византия кого-то из мятежников приговорили к смерти. Объединившись и договорившись друг с другом, члены обеих партий захватили тех, кого вели [на казнь], и тут же, ворвавшись в тюрьму, освободили всех заключенных там за мятеж или иное преступление. Лица же, находившиеся на службе у городских властей, были убиты...».

Всю ночь после этого народ громил и поджигал государственные учреждения и частные дома богатых чиновников. «Город был подожен, словно он находился в руках неприятелей». Центральные кварталы были охвачены пожаром, в котором погибли многие великолепные здания, а Меса выгорела от императорского дворца до форума Константина. Иоанн Лид так описывает ужасающую картину сожженной столицы: «Город представлял собой груды чернеющих развалин, как на Липари или около Везувия; он был наполнен дымом и золою; всюду распространившийся запах гари делал его необитаемым, и весь вид его внушал зрителю ужас, смешанный с жалостью».

На утро следующего дня, 14 января, император попытался организовать проведение ристаний, видимо, для того, чтобы отвлечь бунтующий

народ зрелищами. Это, однако, не удалось, поскольку разгневанные димоты, в момент, когда было вывешено знамя, сообщавшее о начале игр, подожгли часть ипподрома и не пожелали занимать трибуны. Они собрались на Августеоне, митингуя в опасной близости от Большого императорского дворца. В такой ситуации открытого игнорирования воли императора и, более того, угрозы безопасности дворцу Юстиниан вынужден был наконец-то попытаться выяснить, чем вызваны волнения. С этой целью он отправил к бунтарям сенаторов Мунда, Константина и Василида. В ответ на их вопрос о том, чем вызвано выступление народа, из толпы прозвучали требования отставки наиболее одиозных представителей правительства – префекта претория Востока Иоанна Каппадокийца, епарха города Евдемона и квестора Трибониана. «До тех пор, пока народ был занят спорами партий, не было и речи о преступлениях этих мужей против государства. Но теперь, когда народ соединился и поднял мятеж, во всем городе стали слышны проклятия против них», – писал об этом Прокопий Кесарийский. При этом партийная принадлежность чиновников уже не играла никакой роли, и восставшим было совершенно неважно, что Трибониан и Евдемон были венетами, а Иоанн Каппадокиец – прасином.

Требования мятежников была незамедлительно выполнены, Иоанн Каппадокийского заменили патриkiem Фокой, Трибониана – патриkiem Василидом, а Евдемона – сенатором Трифоном. Однако этого восставшим прасиновенетам было уже недостаточно, и они потребовали свержения самого Юстиниана. Взамен они хотели короновать Ипатия, патрона венетов и племянника императора Анастасия. Однако тот вместе с братом Помпеем находился во дворце вместе с укрывшимся там Юстинианом.

Император попытался подавить восстание силой. С этой целью против мятежников был брошен трехтысячный отряд варваров готов и герулов под командованием полководца Велисария. Остановить бойню попытались священники, которые со священными книгами и иконами попытались встать между сражавшимися и удержать их от кровопролития. Это, впрочем, не удалось, поскольку варвары проигнорировали вынесенные святыни и продолжили рубить и восставших, и священников, и сами реликвии. Димоты, возмущенные столь кощунственным отношением к святыням, бросились в бой с невиданным ожесточением, в завязавшейся битве приняли участие даже женщины и дети, которые из окон и крыш домов бросали в солдат камни, черепицу, посуду и все, что попадало под руку. Варвары были опрокинуты, и, теснимые восставшими, под градом камней были вынуждены отступить во дворец.

15 января, в четверг, восставшие определились с очередной кандидатурой нового императора – им они хотели видеть патрикия Прова, племянника

императора Анастасия I. С криками: «Прова – василевсом ромеев!» димоты двинулись к его дому, находившемуся неподалеку от гавани Юлиана, и потребовали выдать им оружие. Пров, однако, не стремился становится узурпатором и скрылся. Не получив ни царя, ни оружия, возмущенная толпа сожгла дом патрикия. «И бросил [народ] огонь в дом Прова, и обрушился дом», – сообщает нам об этом хронист Феофан.

16 и 17 января восстание продолжилось. Опустошительный пожар распространялся по направлению на север, и в этот день сгорели «бани Александра, странноприимный дом Евбула, церковь св. Ирины, странноприимный дом Сампсона». Некоторые здания поджигали мятежники, некоторые загорались случайно, иные же преднамеренно жгли верные императору войска. Так, восьмиугольное здание Октагона, в котором размещалась высшая школа Константинополя, было подожжено солдатами, поскольку его заняли восставшие, а церковь св. Софии, по сообщению Псевдо-Захарии, «была подожжена сторонниками царя, чтобы собравшийся народ, услышав о несчастье, раскаялся».

Вплоть до воскресенья 18 января у мятежников не было кандидатуры на императорский престол. Неожиданным образом обрести ее и помог сам Юстиниан, который накануне вечером, опасаясь, по-видимому, измены со стороны аристократов, приказал Ипатию и Помпею покинуть дворец, сказав: «Идите, и пусть каждый сторожит свой дом!». Несмотря на возражения и просьбы племянников Анастасия остаться, обусловленные опасениями, что народ «принудит их к царствованию», Юстиниан был непреклонен в своем решении. И действительно, стоило Ипатию оказаться за пределами дворца, как весть об этом разнеслась по городу и над ним нависла угроза нежеланной коронации.

Утром 18 января Юстиниан предпринял попытку усмирить восставших, лично представ перед ними на ипподроме с Евангелием в руках. Об этом быстро узнали горожане, и, по словам «Пасхальной хроники», на ристалище «пришел весь народ, и наполнился ипподром чернью». Юстиниан обратился к собравшимся, пообещав им полную амнистию: «Клянусь святым могуществом, я признаю перед вами свою ошибку, только успокойтесь. Все произошло не по вашей, а по моей вине. Мои грехи не допустили, чтобы я сделал для вас то, о чем просили меня на ипподроме». Когда-то, как мы помним, подобное выступление спасло царствование Анастасия, однако теперь, наряду с одинокими восклицаниями одобрения царя, из толпы гораздо громче звучали непочтительные выкрики: «Ты лжешь, осел! Ты даешь ложную клятву!». Собравшийся на будущей турецкой лошадиной площади Ат Майданы константинопольский «Майдан» VI в. был непреклонен в своих требованиях.

Ничего не добившись, Юстиниан вынужден был под градом камней бежать во дворец, а собравшийся народ отправился к дому Ипатия. Невзирая на нежелание племянника Анастасия становиться узурпатором из-за опасения расправы с случае неудачи и протесты его жены Марии, восставшие отвели его на форум Константина, где на ступенях у Константиновой колонны короновали – подняли на щит и возложили на голову вместо царского венца золотую цепь из захваченного дворца Плакиллианы. Вслед за этим Ипатия облачили в пурпурную мантию и прочие императорские инсигнии и подняли в кафисму ипподрома.

Примкнувшие к восставшим сенаторы и другие представители знати медлили и склоняли прасиновенетов к выжидательной позиции, отговаривая их от немедленного штурма дворца с укрывшимся там Юстинианом. Особенно яркую речь произнес перед народом сенатор Ориген: «Римляне, настоящее положение дел не может разрешиться иначе, как войною. Война и царская власть, по всеобщему разумению, являются самыми важными из человеческих дел. Великие же дела решаются не в короткий срок, но лишь по здравому размышлению и в результате долгих физических усилий, требующих от человека немало времени. Если мы пойдем сейчас на противника, то все у нас повиснет на волоске, мы все подвергнем риску и за все то, что произойдет, мы будем либо благодарить судьбу, либо сетовать на нее. Ведь дела, которые совершаются в спешке, во многом зависят от могущества судьбы. Если же мы будем устраивать наши дела не торопясь, то даже и не желая того, мы сможем захватить Юстиниана во дворце, а он будет рад, если кто-нибудь позволит ему бежать. Презираемая власть обычно рушится, поскольку силы покидают ее с каждым днем. У нас есть и другие дворцы, Плакиллианы и Еленианы, откуда этому василевсу можно будет вести войну и устраивать другие дела наилучшим образом».

Однако знатные лица не могли обуздать стихию народного волнения, заставлявшую совершать необдуманные и грозившие неблагоприятными последствиями действия. Под давлением толпы идею штурма дворца поддержал Ипатий, и около двух сотен хорошо вооруженных стасиотов из факции зеленых были готовы к немедленному захвату дворца. По словам Иоанна Лида, настал момент, когда «сама империя, казалось, находилась на краю гибели».

Тем временем, в самом дворце Юстиниан держал с ближайшими сторонниками совет о дальнейших действиях. Большинство частей придворной гвардии были ненадежны, предпочитая выждать, на чьей стороне будет победа, чтобы перейти на сторону победителя. Они открыто игнорировали приказы верных императору военачальников, и лишь дружина под командованием Велисария и отряд варваров под предводительством

Мунда оставались верны царской власти. В такой ситуации Юстиниан все больше склонялся к бегству. В гавани для этого уже были приготовлены корабли, на которые погрузили государственную казну и сокровища резиденции василевса – Большого Императорского дворца. В эти роковые для императора минуты на подмостки истории вышла его жена Феодора. С присущим бывшей актрисе сценическим талантом она произнесла речь, в которой страстно отговаривала мужа от бегства. «Сейчас, я думаю, – сказала она, – не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, ничего не остается другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тот, кто появился на свет, не может не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть – лучший саван».

После таких слов царственной супруги Юстиниан собрал остатки мужества и решил продолжить борьбу с мятежниками. С целью внести раскол в их ряды, он отправил хитроумного евнуха Нарсеса, который подкупил руководителей фракции синих и склонил их к выжидательной позиции. По словам Иоанна Зонары, «люди царя раздавали много денег и откололи венетов». Решительный штурм императорской резиденции, который, несомненно, принес бы восставшим победу и завершился низложением Юстиниана, не состоялся, время было бесповоротно потеряно, среди единых еще несколько часов назад в своем антиправительственном порыве прасиновенетов начались раздоры. По свидетельству «Пасхальной хроники», даже находившийся в царской кафисме Ипатий пытался через одного из лично преданных ему людей, Ефрема, любой ценой передать Юстиниану следующие слова: «Вот я собрал на ипподроме всех твоих врагов, делай с ними все, что тебе угодно».

В этот момент Юстиниан нанес решительный удар по собравшимся в цирке прасиновенетам. Два отряда, под руководством соответственно Веллария и Мунда, с двух сторон ворвались на арену, неся смерть на своем пути. Осыпав собравшихся ливнем стрел, воины обнажили мечи и начали убивать без разбору всех оказавшихся в ловушке ипподрома горожан, «уже восставших друг против друга... Толпа падала, как скошенная трава».

К вечеру этого страшного дня песок арены был скользким от пролитой на него крови десятков тысяч убитых. Среди них были и представители фак-

ций ипподрома, и простые горожане, примкнувшие к восстанию, и увлеченные беспощадной, но красочной стихией бунта чужеземцы и жители провинции. По свидетельству Псевдо-Захарии, в народном выступлении против ненавистной власти выступили далеко не только жители Константинополя: «В столице были люди из всех мест, и в немалом числе. Они жаловались на него (Иоанна Каппадокийского), склонялись к какой-либо из партий и помогали ей. Поэтому и раздались возгласы против него и императора, партии объединились и пришли к согласию». Видимо, вполне справедливым можно признать мнение ряда современных исследователей о том, что взбунтовавшиеся против власти на ипподроме в январе 532 г. люди были жителями не только Константинополя, но представляли всю империю в целом.

По разным свидетельствам, число погибших составило от 30, как утверждал Прокопий Кесарийский, до 50 тысяч человек, как считал Иоанн Лид. В любом случае, это было чуть ли не все активное мужское население города, ведь на ипподроме собрались преимущественно молодые и зрелые мужчины. Кровавая резня на долгие годы запечатлелась в сознании византийцев. Хронист Феофан писал: «И был страх большой, и замолчал город и не проводились игры долгое время». Если учесть количество погибших и охвативший население столицы ужас, совсем не удивительно, что на улицах города, по словам автора «Пасхальной хроники», многие годы «не видно было ни одного димота».

Правительство приняло все меры для того, чтобы жестоко наказать виновных и предотвратить саму возможность подобных выступлений в будущем. Репрессии прокатились также по всем городам государства, и, по словам современника, «если подсчитать тех, которые погибли во время восстания в столице и в каждом городе, то, полагаю, что произошло избивание людей не меньшее, чем на войне». О многом говорит тот факт, что конные ристания на ипподроме, излюбленное зрелище горожан, проводившиеся обычно не менее десяти раз в год, после восстания «Ника» не возобновлялись в течение пяти долгих лет – вплоть до 537 г. А о партиях цирка в источниках нет упоминаний вплоть до 547 г.

Юстиниан жестоко расправился и с замешанными в мятеже представителями знати. Ипатия и его брата Помпея казнили, хотя неудачливый узурпатор пытался доказать свою невиновность, утверждая, что специально заманил народ на ипподром для того, чтобы предать восставших законному василевсу. На эти слова Ипатия Юстиниан, по свидетельству хрониста, ответил: «Хорошо, но так как вы пользовались таким авторитетом у этих людей, то вы должны были применить его прежде, чем он сожгли мой город». Впрочем, по отношению к знати наказания не были излишне жестокими – 18 патрикиев и иллистриев, привлеченных к разбирательствам

в связи с восстанием, отделались лишь конфискацией имущества и изгнанием. Более того, даже эти изгнанники смогли некоторое время спустя вернуться в столицу и получить назад ту часть своего имущества, которую император не успел раздать другим приближенным. Имущество вернули даже детям казненных Ипатия и Помпея, да и сами они были казнены, по свидетельствам источников, лишь по настоянию Феодоры и по династическим соображениям – как племянники Анастасия. Юстиниан хорошо знал их настоящую роль в восстании и понимал, что они были не зачинщиками, организаторами и руководителями выступления, а, напротив, были вынуждены следовать желаниям восставших, контролировать и направлять которых не имели ни малейшей возможности.

Значительно сильнее пострадали простолюдины. Был увеличен штат городской полиции, в 535 г. создано новое, подчинявшееся непосредственно императору, ведомство претора плебса, который должен был следить за порядком в Константинополе, «усмирять мятежи народа» и высылать из столицы «смутьянов». Особое внимание при этом уделялось борьбе с нежелательными приезжими, «чтобы в столице не заживались подолгу люди, присутствие которых излишне». Как писал в одной из своих Новелл Юстиниан, задачей правительства было «очистить столицу от лютых зверей» – потенциальных мятежников.

Не удивительно, что после этого выступлений партий ипподрома, подобных по своей масштабности восстанию «Ника» больше в истории Византийской империи не происходило, хотя факции цирка оставались важным фактором политической жизни империи и принимали активное участие в социальной борьбе в Константинополе вплоть до конца VI в. Последнее же крупное совместное выступление прасиновенетов относится к 602 г., когда они приняли участие в восстании узурпатора Фоки (602–610 гг.), свергнувшего императора Маврикия (582–602 гг.). Особую роль димов в воцарении Фоки подчеркивал историк Феофилакт Симокатта: «Так как димы прославляли узурпатора и все страстно хотели перемен, это чудовище было провозглашено императором, узурпатор стал владыкой императорского скипетра, горе взяло верх над счастьем и с этого времени начались великие и, можно сказать, прославленные бедствия ромеев».

Разнообразные мятежи, восстания и заговоры многожды еще потрясали императорский престол вплоть до падения империи, но объединения ипподрома уже никогда не играли в них никакой существенной роли. Димы не исчезли окончательно, они сохранились, но за ними осталась сугубо околоспортивная и церемониальная роль, хорошо известная по трактату «О церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного (945–959 гг.). Участие партий в коронации и торжественных выходах императора

было в то время лишь далеким отголоском того реального политического значения, которое имели димы в период своего расцвета – в V–VI вв.

Уместно задаться вопросом, чем же был вызван упадок значения цирковых партий, если сам ипподром сохранился и скачки на нем продолжали собирать десятки тысяч зрителей и болельщиков вплоть до XII в.? Ответ на него вряд ли будем простым и однозначным, однако вполне очевидной и наиболее важной причиной ухода димов с политической арены государства на сугубо спортивную арену ипподрома и сценические подмостки дворцовых церемоний является глубокая трансформация культурного самосознания, произошедшая в Византии в течение VII в. Эта метаморфоза была обусловлена многими факторами, среди которых и кровопролитные войны с арабами, и глубокий экономический кризис, и изменения в сфере государственного управления, вынужденного приспособляться к суровым реалиям эпохи. Но главным было окончательное утверждение христианского мировоззрения, сочетавшееся с одновременным изменением базовых идеалов социального поведения.

Ранее, в позднеантичную – ранневизантийскую эпоху IV–VI вв. и отчасти, по инерции, еще и в VII в., господствующими продолжали оставаться античные общественные устои – активная жизненная позиция, направленная на демонстративный успех в этом мире; стремление принадлежать к определенному гражданскому коллективу и постоянно эту принадлежность демонстрировать; неизбывное желание иметь хотя бы иллюзорную возможность непосредственно влиять на политику государства в своих интересах и, тем самым, приобретать важное значение в глазах окружающих и своих собственных. И пусть эти приоритеты были в значительной степени примитивизированы, однако, думается, вполне допустимым будет утверждать, что в вольнице цирковых партий ранневизантийского ипподрома как в зеркале, пусть и кривом, отражались давние традиции античного демократического полисного устройства. В факциях не было уже настоящей демократии, но сохранялось еще воспоминание о ней.

После великой культурной трансформации VII в. жизненные идеалы стали иными, общественное поведение изменилось в сторону большей обособленности и замкнутости индивида, сосредоточенности его на личном или внутрисемейном мире, которому нет дела до внешних событий и общественно-политической деятельности. Гражданская активность и совместная коллективная деятельность перестали быть важными для византийцев. Поставленные на грань выживания в VII в. ромеи ограничились маленьким мирком выживавшего в бурном мире невзгод домохозяйства и нашли утешение в идеале личного спасения ортодоксального христианства, который не только не требовал активной общественной деятель-

ности, но, напротив, избегал ее как потенциально полной соблазнов и греховности. Если угодно, позднеантичный полит-горожанин (гражданин) окончательно превратился в это время в средневекового византийского городского мещанина-обывателя. Идеалом такого мировосприятия был уже не ипподром – заменитель античной агоры или форума с его народным собранием и бурной, активной направленностью вовне, а частный дом – мирской аналог монастыря с его замкнутостью и тихой потаенной интровертностью – направленностью вовнутрь. Мощное согласованное протестное выступление горожан было при таком мировосприятии совершенно невозможным. В какой-то мере можно сказать, что настоящая Византия появилась на свет вместе с политической смертью партий цирка.

Сам же ипподром продолжил свою жизнь как важнейший спортивно-развлекательный центр, место государственных церемоний, встреч василевса с подданными и приема иностранных послов. Чтобы проникнуться духом этого величественного архитектурного сооружения, лучше всего поехать в Стамбул, пройти по площади Ат Майданы, увидеть собственными глазами громаду сфендоны и уцелевшие памятники спины, постаменты статуй возниц в археологическом музее. Однако отголосок константинопольского цирка есть и гораздо ближе – в Киеве, во всемирно известном памятнике древнерусской архитектуры XI в. – храме Святой Софии. В южной башне храма сохранилась большая многоплановая протянувшаяся на 14 метров фреска, изображающая конные ристания на ипподроме. При всей условности несколько абстрактного изображения, она позволяет увидеть зрелища константинопольского ипподрома глазами их современника – живописца XI в. Возможно, в том числе и благодаря этой монументальной композиции в Киев вместе со смиренным духом ортодоксального византийского христианства пришел и иной дух – дух разнузданной вольницы стихийного бунта жителей столицы, мятежа, начинавшегося на секторах трибун ипподрома, и охватывавшего в итоге не только весь столичный град, но и потрясавшего устои всей махины государства, как это случилось во время восстания «Ника».

ЛИТЕРАТУРА

- Брабич В., Плетнева Г.* Зрелища древнего мира. – Л., 1971.
Винкельман Ф. О роли народных масс в ранней Византии (в порядке дискуссии) // ВВ. – 1979. – Т. 40. – С. 26–36.
Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.

- Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / Пер. с франц. – СПб., 1908.
- Домановский А. Н. Миф Византии: Византийская цивилизация в истории, историографии и общественных репрезентациях // «Византийская мозаика»: Сборник публичных лекций Эллина-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме / Ред. проф. С. Б. Сорочан; сост. А. Н. Домановский. – Харьков, 2013. – С. 18–64.
- Домановский А. Н. О рукописи Е. А. Черноусова «Партии ипподрома в Константинополе» // <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/domanov1.htm> (Тезисы конф. «Ломоносов–2001», Москва, 19–20 апреля 2001 г.).
- Досталова Р. Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата Περί πολιτικῆς ἐπιστήμης // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 45–57.
- Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V–VII вв. // Византийский сборник. – М.; Л., 1945. – С. 144–227.
- Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. – М., 2011.
- Кривушин И. В. Городские мятежи в Византии в конце VI – начале VII вв. // Социально-политические конфликты в древних обществах. – Иваново, 2001. – С. 99–109.
- Кривушин И. В. Социальный конфликт в ранней Византии // Политические конфликты в древности и средневековье. Материалы коллоквиума. Иваново, 14–15 ноября 2000 г. – Иваново, 2000. – С. 41–48.
- Кривушин И. В. Цирковые партии в ранней Византии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – Серия 2: История, языковедение, литературоведение. – 1992. – Вып. 2. – № 9. – С. 103–106.
- Кузенков П. Византия как попытка нравственного государства. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/1011/>
- Кузенков П. Политика и «полития» в византийской традиции // Журнал Московской Патриархии. 7 июля – 15 июля 2011 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.e-vestnik.ru/history/politika_i_politiya_3281/
- Культура Византии (IV – первая половина VII в.). – М., 1984.
- Культура Византии (вторая половина VII – XII вв.). – М., 1989.
- Культура Византии (XII – первая половина XV в.). – М., 1991.
- Курбатов Г. Л. Византия в VI столетии. Популярный очерк. – Л., 1959.
- Курбатов Г. Л. История Византии (от античности к феодализму). – М., 1984.
- Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (конец античного города в Византии). – Л., 1971.
- Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. – Л., 1991.
- Курбатов Г. Л. ДНМОКРАΤΙΑ в политической жизни византийского общества и города // Проблемы отечественной и всеобщей истории. – Л., 1976. – С. 173–178.
- Курбатов Г. Л. Еще раз о византийских димах и новой теории Кэмираона // Средневековый город. – Вып. 3. – Саратов, 1975. – С. 2–20.

- Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. – Л., 1974. – Вып. 1. – С. 44–61.
- Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). – Л., 1980.
- Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. // ВВ. – 1947. – Т. 1. – С. 163–183.
- Литвиненко О. Візантійський орел – символ «оксамитових» революцій // День. – 7 грудня 2004 р. – № 223. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/panorama-dnya/vizantiyskiy-orel-simvol-oksamitovih-revolyuciy>
- Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии. – Харьков, 1876.
- Пигулевская Н. В. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии // ВВ. – 1952. – Т. 5. – С. 216–222.
- Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. – Свердловск, 1989.
- Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. – Харьков, 2011.
- Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века // Ученые записки Уральского гос. ун-та. – 1952. – Вып. 11. – С. 84–134.
- Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). – М., 1974.
- Успенский Ф. И. Партии цирка и димы в Константинополе // ВВ. – 1894. – Т. 1. – С. 1–16.
- Чекалова А. А. Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V – первой половине VI в. // Византийские очерки. – М., 1977. – С. 158–181.
- Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1997.
- Чекалова А. А. К вопросу о димах ранней Византии // Византийские очерки. – М., 1982. – С. 37–53.
- Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника // ВВ. – 1971. – Т. 32. – С. 24–39.
- Чекалова А. А. О датировке Актов Калоподия // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 225–228.
- Чекалова А. А. У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV – первой половине VII в.: учебное пособие. – М., 2007.
- Чертаев А. А. Византия. Юстиниановская эпоха. – М., 2004.
- Черноусов Е. А. Партии ипподрома в Константинополе: рукопись. – [Нежин, 1895]. – 168 с. (Центральная научная библиотека Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, единица хранения: 463 107).
- Atkinson J. E. The Nika riots and “hooliganism” // Acta patristica et Byzantina. – Pretoria (South Africa), 1990. – Vol. 1. – P. 119–133.
- Baldwin B. A. Note on the Religious Sympathies of Circus Factions // Byzantion. – 1978. – Т. 48. – P. 275–276.

- Bell P.* How the Circus and Theatre Factions could help prevent Civil War // *Civil War in Ancient Greece and Rome / Henning Börm, Marco Mattheis, Johannes Wienand (Hrsg.)*. – Stuttgart, 2015. – S. 389–413.
- Bratianu R.* Empire et démocratie à Byzance // *BZ*. – 1937. – Bd. 37. – P. 86–111.
- Bury J.* The Nika Riot // *The Journal of Hellenic Studies*. – 1897. – Vol. 17. – P. 92–119.
- Cameron Al.* Demes and Factions // *BZ*. – 1974. – Bd. 67. – P. 74–91.
- Cameron Al.* Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder // *Byzantion*. – 1980. – T. 50. – P. 336–337.
- Cameron Al.* Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. – Oxford, 1976.
- Cameron Al.* Porphyrios the Charioteer. – Oxford, 1973.
- Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. – Berkeley; Los Angeles, 1985.
- Cront Ch.* Les Dèmes et les partis politiques dans l'Empire byzantin aux Ve–VIIe siècles // *Revue des études Sud-Est européennes*. – Bucarest, 1969. – T. 7. – P. 671–674.
- Dagron G.* L'hippodrome de Constantinople. – Paris, 2011.
- Downey G.* Constantinople in the Age of Justinian. – Norman, 1960.
- Dvornik F.* The Circus Parties in Byzantium: Their Evolution and Suppression // *Byzantina–Metabyzantina*. – 1946. – Vol. 1. – P. 119–133.
- Evans J. A. S.* The Nika Rebellion and the Empress Theodora // *Byzantion*. – 1984. – T. 54. – P. 380–382.
- Fine J. V. A.* Two Contributions on the Demes and Factions in Byzantium in the Sixth and Seventh Centuries // *ЗРВИ*. – 1967. – Т. 10. – P. 29–37.
- Fotiou A. S.* Byzantine Circus Factions and Their Riots // *JÖB*. – 1978. – Bd. 27. – P. 1–10.
- Greatrex G. B.* The Nika Riot: A Reappraisal // *The Journal of Hellenic Studies*. – 1997. – Vol 117. – P. 60–86.
- Gregoire H.* Le Peuple de Constantinople ou les Bleus et les Verts? // *Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. – P., 1946. – P. 568–578.
- Grégoire H.* Le peuple de Constantinople ou les Bleus et les Verts // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. – 1946. – 90e année. – № 4. – P. 568–578.
- Guilland R.* Études sur l'hippodrome de Byzance. Les spectacles de l'hippodrome // *BS*. – 1967. – T. 28. – P. 262–277.
- Irmischer J.* AKTA ΔΙΑ ΚΑΛΑΠΟΔΙΟΝ // *Orbis Mediaevalis*. – Weimar, 1971. – S. 78–88.
- Jarry J.* Hérésies et factions dans l'empire Byzantin du IVe au VIIe siècles. – Le Caire, 1968.
- Kaegi W. E.* Nika revolt // *ODB*. – Vol. 2. – P. 1473.
- Manojlovič G.* Le peuple du Constantinople de 400 à 800 apres J. C. // *Byzantion*. – 1936. – T. 11. – P. 617–716.
- Maricq A.* Factions du cirque et partis populaires // *Bulletin de l'Académie royale de Belgique, Classe des Lettres*. – 1950. – 5e série. – T. 36. – P. 396–421.
- Maricq A.* La durée du régime des partis populaires à Constantinople // *Bulletin de l'Académie royale de Belgique, Classe des Lettres*. – 1949. – T. 35. – P. 63–74.
- Meier M.* Anastasios I. – Stuttgart, 2009.

- Meier M.* Die Inszenierung einer Katastrophe: Justinian und der Nika-Aufstand // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 2003. – Bd. 142. – S. 273–300.
- Mordtmann L.* Justinian und der Nika-Aufstand in Konstantinopel 10/19. Januar 532 // Mitteilungen des deutschen Exkursionsklubs in Konstantinopel. – Heft IV, 1898.
- Prinzing G.* Zu den Wohnvierteln der Grünen und Blauen in Konstantinopel // Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. – München, 1973. – S. 26–48.
- Rimbaud A.* De Byzantino hippodrome et circensibus factionibus. – P., 1870.
- Rimbaud A.* Le monde byzantin: le sport et l'hippodrome à Constantinople // Revue des deux mondes. – P., 1871. – T. 94. – P. 761–794.
- Schmidt W. A.* Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. – Zürich, 1854.
- Vogt A.* L'hippodrome de Constantinople // Byzantion. – 1935. – T. 10. – P. 482–488.
- Whitby M.* The violence of the circus factions // Organized Crime in Antiquity. – Swansea, 1999. – S. 229–253.
- Wiemer H.-U.* Akklamationen im spätrömischen Reich. Zur Typologie und Funktion eines Kommunikationsrituals // Archiv für Kulturgeschichte – 2004. – Bd. 86. – S. 27–73.
- Winkler S.* Byzantinische Deme und Faktionen // Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und im Klassische Altertum. – Berlin, 1961. – S. 318–328.
- Winkler S.* Zur Problematik der Volksbewegungen unter Justinian // Studii clasice. – Bucuresti, 1961. Bd. 3. – S. 429–433.